

Разбирая официальные донесения, Ваньянь Кан уловил едва слышные звуки музыки, долетавшие откуда-то издалека. Он лишь понимающе улыбнулся. Тот, кто играл сейчас, явно не был Оуян Кэ. Хотя их первая встреча и произошла под звуки флейты, нынешняя мелодия совсем не походила на его манеру. К тому же Кан коснулся пальцами бамбукового корпуса инструмента, заткнутого за пояс: Оуян Кэ совсем недавно признался, что больше не нуждается в инструменте для управления змеями, и отдал его ему.

Если догадка верна, то это был Хуан Яоши. В памяти всплыли крупницы изначальной истории: Восточный Еретик каждую ночь играл на бамбуковой флейте-сяо в память о покойной жене. Видимо, он не изменял этой привычке и за пределами Острова Персикового Цвета.

Закончив с бумагами, Ваньянь Кан направился к своим покоям и вскоре получил подтверждение своим мыслям. В одном из пустующих дворов поместья, на самой крыше, замерла фигура в бирюзовых одеждах. Хуан Яоши стоял неподвижно, полностью погружившись в игру.

В заунывных звуках сяо Кан без труда расслышал глубокую преданность мастера ушедшей супруге, а вместе с ней — горечь раскаяния и невысказанную вину. Он невольно вздохнул.

Музыка способна обнажить душу игрока, выставив её на всеобщее обозрение. Именно поэтому сам Кан редко брал в руки инструмент, даже когда очень того хотел. Слишком многое ему приходилось скрывать от мира.

Он мягко улыбнулся и хотел было пройти мимо. Ему не стоило заглядывать в чужое сердце, особенно когда этот человек не представлял угрозы для отца. И хотя он и так знал о мастере слишком много благодаря памяти о сюжете, праздное любопытство было ни к чему.

Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как мелодия резко изменилась. Кан усмехнулся.

«Всё-таки заметил? Похоже, Хуан Яоши решил испытать мои навыки».

Ваньянь Кан никогда не слышал «Мелодию прилива в лазурном море» вживую и не мог знать её наверняка, но почувствовал, как вместе со звуками на него обрушилось мощное давление, движимое внутренней силой. Он понимал, что Хуан Яоши лишь проверяет его, относясь к нему как к младшему, а потому вложил в игру едва ли пятую часть своей мощи.

И всё же, даже при такой малости, оставаться просто слушателем было опасно — позиция становилась слишком пассивной. Кан достал из-за пояса флейту.

«Пусть её главное назначение — призывать ядовитых гадов, но как обычный инструмент она тоже сгодится».

Он не обольщался на свой счёт: его внутренняя сила не шла ни в какое сравнение с мощью Хуан Яоши. Он не был настолько безумен, чтобы вступать в прямое противостояние. Поэтому мелодия, сорвавшаяся с его губ, не несла в себе агрессии — она лишь мягко рассеивала давление, настигавшее его.

Хуан Яоши искренне удивился. Он и раньше видел, что этот юноша обладает незаурядной подготовкой, и полагал, что тот справится с парой долей его силы. Но Кан сделал это пугающе легко. К тому же сама пьеса была мастеру совершенно незнакома. Несмотря на некоторую техническую незрелость исполнения, в самой структуре музыки чувствовалось нечто необычное. Мастер добавил мощи.

Лишь когда напор достиг семи-восьми долей, а на лбу Ваньянь Кана выступили мелкие капли пота, Хуан Яоши оборвал игру и легко, словно опавший лист, спустился с крыши.

— Неплохо, — произнёс он, пристально глядя на юношу. — Выдержать эту мелодию, когда в неё вложено семь частей моей силы... Весьма недурно.

Мастер помнил себя в этом возрасте: тогда его собственная энергия ещё не достигла такого уровня.

— Старший слишком добр в своих похвалах, — Ваньянь Кан вежливо поклонился.

В глубине души он понимал: его нынешних сил всё ещё недостаточно, чтобы противостоять кому-то из Пяти Непревзойдённых. И если Восточный Еретик или Западный Яд не были его врагами, то встречи с Северным Нищим, когда тот узнает его истинную личность, вряд ли удастся избежать.

Хуан Яоши задумчиво прищурился. Пьеса, которую играл Кан, могла быть как атакующей, так и оборонительной, и по своей сути она не уступала «Мелодии прилива в лазурном море». Просто юноша явно не желал нападать, отчего и оказался в оборонительной позиции.

— Мелодия, что ты играл... ты сам её сочинил?

Ваньянь Кан слегка нахмурился. Эти звуки родились сами собой, повинувшись моменту, но он чувствовал, что они не принадлежат ему. Словно он слышал их когда-то давным-давно.

— Нет. Мне известно лишь название — «Лунная ночь и звёзды».

Похоже, ответ удовлетворил Хуан Яоши. Он кивнул и надолго замолчал, мысленно восстанавливая структуру услышанной пьесы.

— Знаешь ли ты, — наконец произнёс он, — что если использовать эту музыку правильно, она способна удвоить мощь твоей внутренней силы?

Мастер был озадачен. Если этот шедевр создал кто-то из великих предшественников, почему о нём ничего не слышно? А если это творение современника — кто в подлунном мире обладает столь великим талантом? Сам Хуан Йоши, считавший себя непревзойдённым знатоком гармонии и водивший дружбу со многими мудрецами, никогда не встречал ничего подобного.

Ваньянь Кан лишь покачал головой. Он действительно об этом не догадывался. Несмотря на знание теории, практики у него было мало, а в боевом применении музыки он и вовсе был новичком. Разумеется, он не мог тягаться в проницательности с создателем «Мелодии прилива в лазурном море».

К тому же, по правде говоря, он вспоминал эту пьесу прямо во время игры. Теперь же, если слова Хуан Йоши правдивы, у него появился шанс выстоять против мастеров уровня Пяти Непревзойдённых даже в состязании внутренней силы.

Кан усмехнулся про себя. Впрочем, лезть в лобовое столкновение было необязательно. Его истинными козырями всегда оставались легкость движений и скрытое оружие — в искусстве маневра его шансы на победу были куда выше.

<http://bllate.org/book/17543/1707085>